

Не мешайте МАГАТЭ

Цена «иранского досье» – будущее Договора о нераспространении ядерного оружия

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

Ежедневная общероссийская газета «НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ»

15 июня 2004

1 июня генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Аль-Барадеи, на основе переданных иранской стороной почти тысячестраничных данных, а также проведенных инспекций и бесед с руководством Ирана, выпустил доклад, который и обсуждается в Вене. Этот 20-страничный текст ставит ряд серьезных вопросов.

С одной стороны, Иран подписал в конце прошлого года Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Он, правда, пока не ратифицировал его. Подписание протокола прошло без серьезных затяжек или условий с иранской стороны. Напомню: к этому протоколу присоединились только 83 страны, причем от присоединения продолжают уклоняться такие крупные и амбициозные государства, как Бразилия. Далее, Иран заморозил программу по обогащению урана, и МАГАТЭ смогло в этом удостовериться. Таким образом, Иран сотрудничает с агентством, и ему в основном предоставлена возможность изучения продвинутой ядерной программы Ирана.

С другой стороны, чем глубже «копают» инспекторы МАГАТЭ, тем больше нестыковки. Часть из них – иногда слишком обтекаемо – названа в докладе Аль-Барадеи. Прежде всего, Иран предоставил не слишком убедительные разъяснения по поводу факта загрязнения ураном-235 (36%-ного обогащения!) на предприятиях в Калайе и Фарайанде некоторых комплектующих к центрифугам, поставленным ранее из других стран. Вероятно, что речь идет об уране российского происхождения. Как он попал в Иран? Можно предположить, что не напрямую из России, а, скорее всего, через другие государства бывшего СССР.

У МАГАТЭ сохраняется ряд вопросов к Ирану и по поводу импорта, производства и масштабов использования центрифужного оборудования. Еще один вопрос – о производстве Ираном полония-210. В мирных целях он может использоваться для космических программ, что в данном случае вряд ли применимо. А вот в сочетании с бериллием полоний-210 используется в военных ядерных программах.

Что еще серьезнее – так это несколько полос препятствий, которые приходится преодолевать МАГАТЭ, а также представителям России, Великобритании, Франции и Германии в их диалоге с Ираном. Нередко от дипломатов они слышат одно, а специалисты-ядерщики говорят другое. Руководитель Организации по атомной энергии Ирана (он же – вице-президент Ирана), судя по всему, подчиняется не столько президенту Хатами, сколько духовному лидеру Хаменеи. В то время как иранский МИД во главе с министром Харрази настроен достаточно открыто, руководители ядерной программы «темнят», подставляя своих дипломатов. Что это – игра перед внешним миром? Или же – серьезный раскол внутри иранского руководства по поводу сотрудничества с МАГАТЭ и конечных целей ядерной программы?

Имеющиеся сегодня данные МАГАТЭ, насколько я понимаю, пока дают отрицательный ответ на вопрос, есть ли в Иране серьезная военная ядерная программа.

Однако, учитывая большое количество вопросов и «замедленную реакцию» иранских властей, инспекторы могут и скорректировать свои выводы.

Как строить отношения с Ираном – нашим «давним, стабильным партнером», как назвал его считанные недели назад президент Путин, – серьезный вопрос для России. Не видя пока оснований для сворачивания строительства первого энергоблока Бушерской АЭС, Россия обуславливает продолжение сотрудничества, во-первых, честным и динамичным диалогом Ирана с МАГАТЭ; во-вторых, ратификацией подписанного Ираном Дополнительного протокола и, в-третьих, заключением соглашения между Москвой и Тегераном о возврате в Россию отработанного ядерного топлива с Бушерской АЭС. Важно, что министр Харрази на днях подтвердил, что «отработавшее топливо нужно возвращать в Россию» – видимо, компромисс в этом вопросе возможен.

И все же уже выявленные МАГАТЭ несоответствия и нарушения заставляют Россию подходить к сотрудничеству с Ираном щепетильнее, чем ранее. Это чувствует и иранская сторона, которая, публично называя сотрудничество с Россией «образцовым», на деле нервничает. Не случайно секретарь высшего совета национальной безопасности Хасан Роухани указал на «необходимость форсирования» строительства Бушерской АЭС и на то, что «этот проект рассматривается в качестве индикатора уровня доверия между двумя странами».

Это, конечно, так. Наверное, при решении вышеобозначенных вопросов ничто не мешает России вести переговоры по строительству в Иране второго бушерского энергоблока, да и новых АЭС. Но с «уровнем доверия» уже не раз возникали проблемы – и их как раз надо бы адресовать иранской стороне.

Поэтому «иранское досье» закрывать рано. Это понимают и в Вене, и в Москве, и думаю, в Тегеране. В то же время, рассматривая в МАГАТЭ иранский вопрос и говоря о необходимости сдержанности в сотрудничестве с Ираном, не следует впадать и в другую крайность. МАГАТЭ обладает всеми возможностями для завершения полномасштабной проверки иранской ядерной программы и для ее дальнейшего мониторинга. Надо помочь в этом МАГАТЭ, не толкая агентство на политические заявления, которые не совпадали бы с выводами инспекторов. В недавней истории (с Ираком. – Ред.) мы имели примеры «сенсационных» повестей об обнаружении программ оружия массового уничтожения. Потом следовала смена режима без санкции международного сообщества... а потом – сеанс саморазоблачений.

Не видно пока оснований и для передачи «иранского досье» в Совет Безопасности ООН. При этом понятно, что при обнаружении серьезных нарушений Ираном Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) такой поворот не исключен.

В настоящий момент в равной степени были бы опасны как поспешное закрытие «иранского досье», так и непродуманное излишнее давление на Иран. В последнем случае страна, ныне (пусть и не всегда адекватно) сотрудничающая с МАГАТЭ, может под влиянием внутривластных трений хлопнуть дверью, покинуть МАГАТЭ и ДНЯО – как это сделала в свое время КНДР.

Что последует за этим? Цепная реакция. Ядерный Иран будет означать активизацию интереса к ядерному оружию у Саудовской Аравии (ее связи с Пакистаном еще предстоит проследить и предать гласности), возможно, также Египта и Турции. ДНЯО будет разрушен, регион, да и весь мир, – дестабилизированы.

Справка «НИ»

Строительство АЭС в Бушере (фото сделано американским спутником в 2002 году) было начато в 1974 году немецкой компанией «Сименс». После исламской революции в 1979-м строительство было приостановлено. Объект был расконсервирован в январе 1995-го, когда Иран и РФ подписали соглашение о возобновлении строительства в Бушере атомного реактора мощностью в 1 тыс. мегаватт. Стоимость проекта составляет 800 млн. долл. Пока это первый и единственный в стране реактор, работающий на легкой воде. Затем Москва планирует построить в Иране еще 5 таких же реакторов: еще 3 в Бушере и 2 – в городе Ахваз. Всего до 2012 года Россия должна построить в Иране 6 ядерных реакторов общей стоимостью 8,5 млрд. долл.